2126

Вы научились быть вместе?

2126

2026

Юрий Белк.
психолог, физик

Юрий Белк

2126

«Автор»
2026

Белк Ю.

2126 / Ю. Белк — «Автор», 2026

2126 год.В старом доме находят капсулу: дневник обычного человека 2026-го и письмо «Потомкам» с тремя вопросами: стало ли вам легче? Вы отдыхаете? Вы научились быть вместе?Трое читателей из Института чтения погружаются в чужой год и обнаруживают: автор умер, знал о них больше, чем они о себе.

© Белк Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Нулевой метр 5
Глава 1. Находка 6
Глава 2. Январь 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Юрий Белк
2126

Нулевой метр

Если вы это читаете — значит, капсула простояла сколько надо, и вы всё-таки не развалились. Уже неплохо. Я, честно говоря, не был уверен. Мы в моё время тоже не были уверены, но продолжали строить — так, наверное, всегда и делается: строят те, кто не уверен.

Меня зовут никак. Я специально не пишу имя: вам незачем знать, как меня звали. Вы будете судить не человека — вы будете судить время. Так честнее. Пусть будет: обычный человек из обычного города, обычная работа, обычная жизнь. Из таких состояли все, кого не называют в учебниках.

Теперь главное, зачем я писал.

Мы не жалуемся. Запомните это, когда будете читать: мы не жалуемся. Нам просто интересно, что у вас вышло. Мы тут много всего починили — машины, болезни, дороги, — а кое-что починить не успели. Может, вы успели. Тогда напишите нам — как? Где хранится ответ, в каком музее, на какой странице? Я бы хотел дожить до ответа, но капсула не спрашивает меня о сроках.

Спрашиваю я. Три вопроса, простых, как гвозди:

Вам стало легче? Не удобнее — удобнее у нас и так было. Легче. Вот это чувство, когда за спину не тянет.

Вы наконец отдыхаете? Или просто по-другому боитесь? Мы научились не останавливаться. Гордились этим. Теперь не знаю, чем гордиться.

Вы научились быть вместе? Это, наверное, главное. Мы умели быть рядом — автобус, очередь, работа, кино. Быть вместе — не умели. Каждый при своём экране, в своей квартире, в своей голове. Если вы нашли способ — значит, всё было не зря.

Не отвечайте спешно. У вас теперь времени много, я слышал.

И последнее. Если у вас тоже нет ответа — не расстраивайтесь. Напишите это честно и закопайте дальше. Может, третьи успеют.

Глава 1. Находка

Разбор старого дома на углу Президентского бульвара шёл уже третью неделю и никого не интересовал. Дома, пережившие первое столетие, в Чебоксарах разбирали по одной-две в год — неспешно, по согласованному графику, с сохранением всего, что подлежало сохранению. Город рос медленно: долгие жизни не порождали спешки. Краны двигались тихо, стены опускались внутрь себя, и пыль оседала задолго до того, как её тревожили.

Рабочий по имени Иннолий заметил капсулу, когда убирали подвал. Он был молод — тридцать два года — и потому работал так, как учили: внимательно, без суеты, сверяя каждое решение с общим порядком. Порядок подсказал ему: неизвестный предмет — сообщить. Он и сообщил.

Стальная коробка лежала в углу, под слоем штукатурки, лицом вниз. Габариты — как чемодан из старых фильмов. Ни проводов, ни печатей — только табличка, привинченная сверху, с выдавленными, а не гравированными буквами: металл у таблички был дешёвый, гостиничный, такой встречался в двадцатых годах прошлого века.

Табличка гласила:

ВСКРЫТЬ В 2126.

Иннолий прочёл два раза. Потом достал из кармана указатель дат и сверил. Год совпадал.

Это случалось редко — и именно потому, что редко, входило в порядок: капсулы, оставленные столетие назад, разбирали по регламенту, но с уважением, какое положено вещам, выполнившим обещание. Обычно обещание нарушалось: капсула была потревожена при ремонтах, украдена на металл, или её владельцы просто забыли. Эта — не была нарушена. Сто лет она лежала лицом в землю, и один из ста пятидесяти капсульных жестов дошёл до адресата.

Сверху капсулы, по краю, была приварена вторая, маленькая табличка. На ней не было даты. Была одна строка:

«Если найдёте раньше срока — не вскрывайте. Подождите. Ожидание — это тоже часть письма».

Иннолий постоял, посмотрел на строку и решил: ожидание закончилось. Он позвонил в архив, а точнее — туда, куда положено звонить при находках бумажного происхождения.

Так капсула за три дня доехала до Института чтения.

Институт чтения занимал бывшую публичную библиотеку — высокое здание со стенами цвета топлёного молока. Топлёное молоко выцветало неравномерно, и с южной стороны фасад был почти белый, с северной — тёмный, как кофе. Внутри всё было перестроено, но запах остался: пыль, старая бумага, клей. Институт чтения существовал для одной цели — изучать людей прошлого по их собственным текстам, потому что учётные записи прошлого о людях ничего не говорили. Люди двадцатых годов двадцать первого века оставили после себя самую полную учётную документацию в истории человечества — и ни единого человеческого документа. Метрики, реестры, досье, логи. Слова они говорили в коммуникационные среды, а среды не сохраняли слова — сохраняли факты. Живой человеческий голос той эпохи почти весь умер вместе со своими платформами, и о нём не осталось ничего, кроме цитат в цитатах.

Документы на бумаге из двадцатых годов встречались — редко, недоумённо, как окаменелости. Это было всё, что осталось от живой речи.

Капсулу вскрыли в четверг, в одиннадцать утра, в присутствии троих. Все трое были сотрудниками Института; двое из них имели право вскрывать, третий — лишь присутствовать. Присутствовала Вера Кретова, семьдесят один год, аналитик. Она в Институте читала тридцать лет и вскрытия уже не любила: как правило, внутри оказывались завещания, дневники с четверти объёма и письма, где не было ничего, кроме обращений. Иногда был металл —

прах, ценности, фотографии. Дважды был испуг: капсулы, заложенные людьми, которые сами не понимали, зачем.

Стальные стенки открылись с трудом. Внутри, завёрнутые в промасленную ткань, лежали три предмета. Первый — тетрадь в клеёнчатой обложке, плотная, с длинной линейкой. Второй — конверт из плотной серой бумаги, заклеенный и подписанный. Третий — карандаш, сточенный почти до огрызка: положен просто так, на всякий случай.

Тетрадь на корешке несла название, выведенное от руки, несмелым почерком: год обычного человека, я ещё жив.

Конверт был подписан только одной строкой: «потомкам»

Ни имени, ни даты, ни фотографии. Вера подняла тетрадь к свету и перечитала название дважды — и во второй раз замедлилась, потому что за названием, в самом верху обложки, мелкими буквами было добавлено:

Не судите меня по лицу.

Вера читала тридцать лет. Она видела, как люди прошлого ценили время, стыдились слабости, писали и обманывали, и правду, и половину правды. Она понимала, что значит, когда человек заранее просит не судить его по лицу: это значит, что лицо всё-таки было.

Вскрытие прошло по протоколу. О находке доложили. Регламент разложил находку на четыре пункта: тетрадь — на изучение; конверт — на экспертизу; капсула — в опись; известить старших. Всё прошло бы по протоколу и дальше, если бы Ари Таныч, тридцать четыре года, самый младший в Институте, не сделал то, чего не требовал порядок, — не отодвинул регламент и не спросил старших:

— А если письмо адресовано нам?

Такого пункта в регламенте не было. Вопрос повис над столом, и никто его не снял.

Ночью, когда Институт опустел, Вера Кретова вернулась в хранилище — без допуска на совместную работу, без причины, которую можно было бы согласовать. Она подошла к столу, где лежала тетрадь, и не тронула её. Долго. Потом раскрыла на первой странице.

Карандашом, вдавленным в бумагу, там уже было написано, от руки, по-старому, а не в среде:

«Я пишу это в 2026 году. Мне сорок один. Работаю, живу, торгую временем за смысл. Мама умерла в июне, а я всё ещё иногда забываю и хочу позвонить. Это дневник. Я не жалуюсь — я показываю. Если у вас получится лучше — напишите, как. Если нет — напишите тоже».

Вера стояла над этой страницей долго.

Она родилась через двадцать девять лет после этой даты. В детстве она ещё помнила, как люди решали сами — без общего поля, без согласования, только за себя и только со страхом. Она одна из последних несла это в себе: память о том, как страшно быть свободным, и как не страшно.

И вот человек, умерший, вероятно, до её рождения, писал ей — прямо ей, без адреса, но ей.

Вера закрыла тетрадь и положила её так, как кладут ценное: аккуратно, в центр стола.

А утром комиссия узнала всё сразу — и нашла письмо потомков, и первый вопрос, который всем им пришлось задать себе, был совсем не тот, что в письме.

Вопрос был: с чего начать чтение?

Глава 2. Январь

Тетрадь открыли по регламенту: чтение — коллективное, в малом зале, по одному экземпляру, очередь согласовывается. Так и сидели втроём — не очередь, а комиссия, потому что слово «комиссия» было точнее: от них ожидали заключения, а не впечатления.

Ари Таныч читал быстро и вёл параллельный глоссарий — так учили работать с текстами прошлого: выписывать устаревшие слова, спорные реалии, несводимые понятия. К третьей странице глоссарий разросся: «доставка», «аренда», «подписка», «экран», «доехал». Последнее слово он выписал и подчеркнул дважды: в записях автора оно не имело отношения к транспорту.

Вера читала медленно, как читают вслух, только без голоса. Захар не читал вовсе — он сидел у окна и смотрел, как читают другие. В Институте знали: «тихие» не читают чужих бумаг. Но здесь он сидел, и никто не попросил его выйти.

Первое чтение шло по январю.

Запись от 3 января.

«Купил тетрадь. Обещал себе писать год — честно, без прикрас, что называется, для истории. Смешно, конечно: история — это про полководцев. А я про то, как просыпаю будильник три раза. Но полководцы себя не записывали, им некогда было. А у меня время есть. Времени у нас — море, только плавать в нём скучно».

На полях, карандашом: «потомки, если вы это читаете, не смейтесь. или смейтесь. вам виднее».

Ари отложил страницу и сделал первую пометку в протоколе: «Тон — иронический. Автор осознаёт незначительность собственной жизни и одновременно настаивает на её фиксации. Мотивация записи: противоречива».

— Он, не противоречив, — сказала Вера. — Он одинок. Одинокие люди разговаривают с будущим, потому что в настоящем говорить не с кем.

Ари посмотрел на неё с удивлением: это было не протокольное суждение.

— У него есть мать. Он ей пишет — «доехал». Это ежедневное сообщение, — сказал Ари и раскрыл глоссарий. — Вот: «доехал — уменьшенное сообщение о благополучном прибытии. В контексте автора — ритуальное подтверждение связи с матерью». Ритуал. Я прав?

— Прав, — сказала Вера и не прибавила ничего.

Захар у окна шевельнулся, но промолчал. Он бы мог сказать, что «доехал» — это не ритуал, а весь язык, на котором мужчины его рода умели говорить с матерями. Но это не было протокольным суждением, и он тоже молчал.

Запись от 9 января.

«Сегодня восемь часов на работе. Из них шесть — совещания. Совещание — это когда восемь человек тратят два часа, чтобы решить, что надо подумать ещё. Гениально: придумали способ тратить время всех сразу, а называют это „синхронизацией“. Синхронизировали часы — а жизнь всё равно у каждого своя».

«Квартиру повышают на пятнадцать процентов. Аренда — это когда платишь за то, чтобы жить в месте, которое тебе не принадлежит. Всю жизнь платишь — и всё не твоё. Потомки, а у вас как? Хотя нет, не пишите. Наверное, у вас хорошо».

На последней фразе Ари усмехнулся:

— «Наверное, у вас хорошо». Он даже не допускает, что могло быть хуже. И не допускает, что хорошо — это не то же самое, что легче.

— Он допускает, — сказала Вера. — Поэтому и спрашивает потом. Ты письмо ещё не читал.

— Письмо заклеено. По протоколу его вообще-то надо было уже…

— По протоколу, — согласилась Вера, и это слово вдруг прозвучало у неё не как опора, а как извинение.

Запись от 17 января.

«Прочитал, что средний человек проводит в телефоне четыре с половиной часа в день. Посчитал свои — пять с чем-то. Горжусь или ужасаюсь, не определился. Это как стоять у плиты и не знать, варится суп или выкипает вода».

«Заказал доставку. Коробка приехала через сорок минут. Раскрыл, посмотрел, положил. Не помню, что заказывал. Помню только, что хотел. Хотел — и есть, оказывается, разные вещи».

Здесь комиссия остановилась впервые — не потому, что текст был непонятен, а потому, что был понят слишком хорошо.

Ари прочёл запись про доставку вслух — сам не заметив, что делает это вслух, — и сказал:

— У нас этого нет. Не доставки. Есть то, что он называет «хотел» и что не совпадает с тем, что он заказал. Мы согласуем желания до того, как они станут ошибками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.